

равноправность реальных и духовных битв для сознания средневекового русского человека. Ведь древнерусская война в литературной «оболочке» представляется прежде всего как метафизическое действо, где каждый реальный, мирской поступок - и в том числе поступок воина - соотносится с религиозным аналогом горних событий.

Когда, как фиксирует «Повесть о разорении Рязани Батыем», рязанский князь и его дружина, погибающая под напором войска Батыева, восклицает: «О господия и братиа моа, аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим!», то они явно и реально ощущают эту самую «руку Господню», действительно проявившуюся - здесь и сейчас! - в мире и действительно коснувшуюся их. Когда «Пространная летопись о Куликовской битве» описывает ситуацию Боговопрошания Дмитрия Донского, который вдохновенно восклицает: «Заострю, как молнию меч мой, и пусть свершит суд рука моя, отомщу врагам и ненавидящим меня отомщу и напою стрелу мою кровью их, чтобы не говорили неверные: «Где же Бог их». Отврати, Господи, лицо свое от них и покажи им, Господи, весь гнев свой наконец», - то в его восклицании зримо предстает лик Божий, являющий себя в момент битвы. А потому финальный вопрос Дмитрия Донского, а точнее утверждение своего прозрения «Какой Бог более велик, чем Бог наш?!», есть фиксация того зримого для него присутствия Божия, максимально ярко проявившееся в самый напряженный момент сражения. И самое главное - благодаря самому сражению.

В этом контексте по-иному предстает весь смысл военных действий, представленный в литературных памятниках Древней Руси. Война предстает как условие максимально явной теофании, как специфический фон для более четкого, рельефного проявления Бога в мире. Война трансформируется в Божественный акт, а воин - в участника и со-участника этого сакрального действия, в личность, вовлеченную в процесс проявления Бога миру и проходящей в ходе войны определенные этапы христомимесиса, уподобления Христу в его войне с силами зла.

#### Литература

1. Клаузевиц К. О войне. - М.: Эксмо, 2007.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории - СПб.: Наука, 2001.
3. Девиосс Ж., Руа Ж. Битва при Пуатье (октябрь 733 г.). - СПб.: Евразия, 2003.
4. Флори Ж. Идеология меча: Предыстория рыцарства. - СПб.: Евразия, 1999.

**Владимир Алексеевич Носков**

д. филос.н., доцент  
(Россия, г. Белгород)

**Юлия Владимировна Плужникова**

бакалавр  
(Россия, г. Белгород)

## ИДЕЙНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВА: ПОИСК ТОЧЕК ОПОРЫ

В эпоху казалось бы окончательно победившего антропоцентрического (материалистического) мировоззрения, все более отчетливо (пока не актуально, а потенциально) начинает проявляться внимание к идеальным (идейным) регуляторам многообразных форм социальной активности человека. Глубинная причина подобной мировоззренческой трансформации в том, что общество устало от засилья *человека-потребности* и начинает исподволь переориентироваться на *человека-идею*, ибо в этом случае речь идет, по большому счету, о создании универсальных правил игры - необходимой гарантии четких перспектив социального и индивидуального развития, гармонизации отношений между обществом и личностью. Можно сказать, что идейная заряженность общества и личности коррелируется с востребованностью соответствующих правил игры, являя собой некую закономерность. Не случайно в своей знаменитой работе «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет дает следующее

объяснение подобной взаимозависимости: «Кто жаждет идей, должен прежде их домогаться истины и принимать те *правила игры* (выделено мной - В.Н.), которых она требует» [6, с. 323].

В данной статье речь пойдет не о некоем реестре идей, каждая из которых отвечает за свою «сферу», имеет свою «прерогативу», а об идее вообще, предназначение которой - наделять смыслом различные проявления социальной и индивидуальной активности, что неизбежно усиливает эффективность идейного регулятивного воздействия. Таким образом, ситуация такова, что идейный вакуум, поразивший современное общество, вывел на передний план проблему его «смыслового обрамления» - гарантии от распада социума на отдельные фрагменты, нивелирования стремления его составляющих к сепаратизму, идейной автаркии и исключительности. Это говорит о ключевой значимости идейных регуляторов в жизнедеятельности общества, как отвечающих за метафизическое здоровье общества, наделяющих его принципиальными смыслами и ориентирами развития.

Идейные регуляторы выполняют двойную миссию: с одной стороны, они призваны отражать социальные запросы, укорененные в обществе, т.е. считаться с тем, *что есть*, а, с другой - формировать эти запросы, укоренять их в обществе, ориентируя на то, *что должно быть*. Подобная двойственность идейных ориентиров заставляет предположить, что одна вариация этой миссии есть «свое», а другая - «чужое».

Исходя из данного допущения выходит, что «идейное» и «идеальное» не тождественны, хотя очевидно, что эти понятия коррелируются и связаны друг с другом генетическим родством. Причем, в этом тандеме «идеальное» первично, а «идейное» вторично, ибо претензии последнего тяготеют к модусности (преходящему), а первого - к атрибутивности (непреходящему). Поэтому понимание идейности порождает стремление прояснить значение идеального. Здесь можно сослаться на мнение известного советского философа Э.В. Ильенкова, который подчеркивает объективную природу идеального и, соответственно, обосновывает необходимость отхода от интерпретации идеального как существующего исключительно в индивидуальном сознании и поэтому противопоставляемого «объективной» материальной реальности: «теоретическая разработка категории «идеальное» была вызвана необходимостью установить, а затем и понять.. различие и даже противоположность между мимолетными психическими состояниями отдельной личности. и всеобщими и необходимыми и в силу этого объективными формами знания и познания человеком существующей независимо от него действительности» [4, с. 129].

Следовательно, необходимо четко различать, с одной стороны, концепт «идеальное», а, с другой - концепт «идейное», подразумевая, что их субстанциальное основание - «идея» - выступает в первом случае как «форма» внешних вещей, а во втором - как «императив» этих вещей. Это значит, что «нужно различать *идеальную репрезентацию* вещей и *идейное воздействие* на вещи» [3, с. 39]. Именно первый (идеальный) аспект бытия идеи имеет в виду Э.В. Ильенков, тогда как предметом нашего анализа станет второй (идейный) аспект данной проблемы.

Итак, в своем субстанциальном предназначении идея есть «форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира» [3, с. 201]. Из этого вытекает, что идея воплощает собой репрезентативную (с точки зрения отражения) и регулятивную (с точки зрения воздействия) функции, органически предполагающие друг друга и в своей совокупности задающие подлинное бытие идеи.

Поскольку предметом нашего анализа является регулятивное предназначение идеи (в качестве идейности), то возникает вопрос касательно основных форм этого предназначения. Как представляется, можно обозначить следующие регулятивные формы идеи: 1) идея-принцип; 2) идея-идеал; 3) идея-цель. Каждая из этих форм сообразно своей сути реализует свое регулятивное предназначение: *идея-принцип*

выступает преимущественно в социальной оболочке, отвечая за «количество» - затягивание в орбиту своего влияния максимального числа участников социальной жизни; *идея-идеал* тяготеет к культурной форме, отвечая за «качество» - ценностно-смысловое наполнение социальной жизни; наконец, *идея-цель* принимает политическую форму, отвечая за «меру» - творческую комбинацию количественно-качественных характеристик ради производства и воспроизводства самой социальной жизни. Данные характеристики идеи обозначают своего рода «статическую» идейного бытия, подчеркивая *наличие* уже сложившегося регулятивного потенциала идеи под углом зрения выявления специализации каждой из выше обозначенных ее регулятивных форм.

Выход же на проблему *реализации* регулятивного потенциала идеи актуализирует «динамический» аспект ее бытия, или ориентирует на прояснение того, что любая идея, зародившись, проходит определенные этапы в своем становлении и развитии, вписываясь в требования некоторой логики - сути (глубинной закономерности). А поскольку суть - предельная абстракция, говорящая «обо всем» и «ни о чем», то возникает необходимость в выделении конкретных форм ее выражения. Эти формы можно привязать к двум вариациям развертывания регулятивного потенциала идеи - линейной и контекстной. Расшифровка такова, что в рамках линейности доминирует логика последовательности, а в рамках контекстности - логика востребованности.

Исходя из этого, *линейная логика* подразумевает три последовательные этапа генезиса и развития идеи: 1) артикуляции (обнародования); 2) интериоризации (усвоения); 3) актуализации (реализации). В данной логической цепочке каждый последующий этап не отрицает предыдущий, а включает его в себя в качестве «необходимого», «исходного», «расходного» материала. В то же время каждый из этих этапов по-своему специфицирует регулятивное бытие идеи: вначале идея (в качестве принципа) «варится» (формулируется) в лоне социума, затем становится культурным феноменом (в качестве идеала) и, наконец, реализуется в политике (в качестве цели). Иными словами, идея последовательно проходит стадии, во-первых, социализации (обнародования), во-вторых, аккумуляции (усвоения), политизации (реализации). В рамках линейной логики выше обозначенные этапы развития идеи *неизбежны*, поскольку каждый из них воплощает собой своего рода «критическую точку» в деле наращивания идеей своего онтологического статуса, или, если угодно, ее превращения в «работающий» идейный регулятор общественной жизни. Вместе с тем, де-факто любая идея реализуется не по данному сценарию, поскольку социальная реальность может запустить другой, более «приземленный» сценарий реализации идеи со своими «ориентирами», «этосами», «правилами» и, соответственно, своей логикой. Иными словами, «идея, как то, что необходимо воплотить в жизнь, и идея как воплощенная в жизнь реальность, как ставшая жизнью реальность - вещи по меньшей мере разные» [2, с. 70].

В этой связи позволительно говорить о *контекстной логике* развития идеи, которая придает идеи *реальную ипостась*, т.е. «чеканит», «манифестирует», «обрамляет» идею, способствуя, однако, тому, что теперь идея выступает в выхолощенной, редуцированной (усеченной) форме. Подобную редукцию идеи можно усмотреть в том, что на каждом из трех обозначенных выше этапов развития ее «пробивная сила» в качестве регулятора общества увеличивается, но, одновременно, уменьшается объем притязаний, изначально заключенных в идее. Другими словами, аутентичное (социальное) прочтение идеи с неизбежностью вначале сменяется ее конъюнктурным (культурным) прочтением, а затем - прагматическим (политическим) прочтением. Касательно политического прочтения идеи уместно сослаться на мнение Н. А. Бердяева о том, что «политика, в сущности всегда обращена назад, всегда есть реакция приспособления» [1, с. 242]. Однако, политическая форма бытия идеи говорит

о том, что идея «не умерла», а, напротив, «живет» и, следовательно, реализует свое предназначение в качестве важнейшего духовного регулятора социальных, реформ, планов, инициатив, новаций и т.д. Можно допустить, что линейная логика развития идеи - это своего рода кантовский «категорический императив», в то время как контекстная логика этого процесса может быть соотнесена с кантовским «гипотетическим императивом».

Говоря об идейных регуляторах общества, мы исходим из рационального воздействия субъекта на объект. А поскольку в современных условиях эти регуляторы (в идейном аспекте) «просели», то они в какой-то мере начинают замещаться иррациональными регуляторами в лице религии. Как известно, любая религия иррациональна, ибо основывается на вере, не поддающейся объяснению и истолкованию рационального (логического) толка. Однако подобные подвижки, как уже отмечалось выше, происходят не в вакууме, а в рамках идеалистического «облучения» социальной реальности, или, выражаясь по-другому, в рамках духовности (востребованной или нет - другой вопрос) как атрибута социального самовыражения человека.

#### Литература

1. Бердяев Н. Смысл творчества /Н. Бердяев //Смысл творчества. Опыт оправдания человека. - Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. - С. 17-334.
2. Гречко П.К. Практика человека: Опыт философско-методологического анализа /П.К. Гречко. - М.: Изд-во УДН, 1988. - 152 с.
3. Идея //Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. Энциклопедия, 1983. - С. 201.
4. Ильенков Э.В. Проблема идеального /Э.В. Ильенков //Вопросы философии. - 1979. - № 6. - С. 128-140.
5. Носков В.А. К вопросу о национальной идее России /В.А. Носков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. материалов XI Международной научно-практической конференции. - М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2017. - Ч. 4. Актуальные проблемы философии и социально-политических наук. - С. 39-47.
6. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. - М.: Искусство, 1991. - С. 309-350.

**Татьяна Александровна Полетаева**

к.филос.н., доцент ИДО ПСТГУ, доцент БПДС (с м/н)  
(Россия, г. Москва - г.Белгород)

### **МОНИТОРИНГ ФОРУМА ОБ ОТЛИЧИЯХ МЕЖДУ СЛУЖЕНИЕМ КЛИРА И МИРЯН В АПОСТОЛЬСКУЮ И СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ**

В статье представлены рассуждения представителей российской интеллигенции, получающих второе или третье высшее богословское образование в одном из институтов Русской Православной Церкви по вопросу о сходствах и различиях между служением клира и мирян в апостольскую эпоху и в наше время. Форум проводился дистанционно в рамках изучения курса История Христианской Церкви. Проанализированы выступления в форуме участников, изучавших курс в 2017-2020 гг.

В целом за этот 3-летний период в форуме выступило 26 прихожанок православных храмов, среди которых 5 экономистов, 4 филолога, 2 программиста, 2 психолога-педагога, а также юристы и инженеры, которые работают в сфере школьного и семинарского образования, в сфере журналистики, в других сферах на различных достаточно солидных должностях: директора компании, главного бухгалтера и работника банка, в качестве сотрудников крупных федеральных компаний, юрисконсультантов организаций и инженеров. Две участницы имеют ученые степени кандидата наук, две работают в сфере Церкви в качестве референтов архиереев, несколько женщин трудятся, помимо своей основной работы, в воскресных школах при храмах Русской Православной Церкви.